

В.И. Харабаева

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск*

**Личные и лично-возвратные местоимения
как средство выражения личности**

Аннотация: Рассматриваются личные и лично-возвратные местоимения в функционально-семантическом аспекте как специализированные средства выражения функционально-семантической категории личности. Определяется их роль в построении предложения, выявляются их значения, употребление этих средств в различных контекстах, стилистически ориентированных функциях.

The paper considers personal and personal-reflexive pronouns in the functional-semantic aspect as specialized means of expressing the functional-semantic category of personality. An attempt is made to determine their role in the construction of sentences, to reveal their meanings and to define the use of these means in various contexts and stylistically oriented functions.

Ключевые слова: личность, личные местоимения, лично-возвратные местоимения, личная форма глагола, предложение, семантика, аналитический способ, субъект, число.

Personality, personal pronouns, personal-reflexive pronouns, finite form of a verb, sentence, semantics, analytical method, subject, number.

УДК: 81 367.626:811.512.157

Контактная информация: Якутск, ул. Петровского 1. ИГиИПМНС, сектор грамматики и диалектологии якутского языка. E-mail: Stabilo.83@mail.ru.

Одним из центральных средств категории лица в якутском языке являются личные и лично-возвратные местоимения. Наряду с личными глагольными формами эти местоимения в функции подлежащего образуют ядро, центр функционально-семантической категории личности [Теория функциональной грамматики, 1991, с. 5]. По мнению исследователей глагольно-местоименный грамматический центр со сложной бинарной структурой представляет одну и ту же грамматическую категорию лица. Личные местоимения в якутском языке также как и в других тюркских языках тесно связаны с категорией лица глагола. Они исторически могут быть прародителями личных аффиксов сказуемости [Бетлингк, 1990; Гузев, 1987; Меметов, 2004; Севортян, 1956; Щербак, 1981 и др.]. Например, О.Н. Бетлингк исходил из того, что «предикат и мыслимый в зависимости предмет обозначены так, что они спереди и сзади охвачены местоимением, оказывающимся в иерархическом отношении» [Бетлингк, 1990, с. 373]. Таким образом, по его мнению, например, из *мин аба мин* «я отец я» возникло *мин абабын* «я отец», из *мин ылар мин* «я возмущий я» возникло *мин ылабын* «я беру». Также интересен тот факт, что в тувинском языке личные местоимения при именных сказуемых до сих пор не перешли в разряд аффиксов и сохранили за собой звуковой состав, не имеют никаких фонетических вариантов. Ср.: *Мен студент мен* «Я студент» [Гаджихмедов, 1998, с. 29]. В настоящем изложении предлагается функциональ-

но-семантическое описание употребления этих лексем (и их производных) в различных синтаксических контекстах на материале якутского языка.

Личные местоимения в современном якутском языке являются первичными, исконными местоимениями и характеризуются как обозначающие предмет «путем указания лица» [Харитонов, 1947; Грамматика..., 1982]. Замена названия путем указания на лицо – главное отличие личных местоимений от других [Данилова, 1991, с. 29]. Они указывают на участников речевого акта: *мин* «я», обозначают говорящего, *биһиги* «мы» – группу лиц, в составе в котором находится говорящий, *эн* «ты» – собеседника или адресата, *эһиги* «вы» – адресатов, *кини* «он», *киһилэр* «они» – не участника и не участников акта речи. Местоимения 1-го и 2-го лица как и в других языках используются только при указании на людей, за исключением случаев персонификации неодушевленных предметов, абстрактных понятий. Местоимения 3-го лица грамматически противопоставляются местоимениям первых двух лиц, что в языковедческой литературе отмечалось издавна. Они по содержанию разнообразней, обладая заместительной функцией, могут содержать в себе различные понятия, названия. Кроме обозначения людей, личные местоимения в 3-м л. иногда указывают на названия не одушевленных предметов, абстрактных понятий, т.е. на «не-лица»: Глазунья дии, *кини* итинник оноһулар, – официант быһааран көрөр [Көрдөөх кэпсээннэр, 2011, с. 50]. «Это ведь глазунья, она так делается». Предметное значение местоимения 3-го лица находится на периферии категории лица, так как оно противопоставлено «миру лиц» (включая третьи лица). Интересно, что вместо местоимения *кини* «он» в якутском языке редко может использоваться указательное местоимение *ол* «тот» в значении *он*. Итэбэли кэспит киһи – буруйдаах *ол*. «Человек нарушивший доверие – виноватый *он*» [Данилов, 1996, с. 137].

Различают «единственное число», «двойственное число» и «множественное число» личных местоимений. Единственное число местоимений кроме того, что выражает единичность участника речи, может выражать и обобщенное лицо. Двойственное число представляют в якутском языке специальные двойственно-собирательные местоимения, которые являются производными формами и образуются путем сочетания местоимений 1-го и 2-го лица мн. ч. и числительного *икки* «два» – *биһикки* «мы вдвоем», *эһикки* «вы вдвоем». Они употребляются в сочетании с местоимениями 2-го и 3-го лица и существительными: *эн биһикки* «мы с тобой», *кини биһикки* «он со мной», *ийэң эһикки* «ты с матерью» и т.д. Местоимение 3-го лица не имеет двойственно-собирательной формы. Посредством этих местоимений могут образоваться следующие комбинации: 1-е лицо, двойственный инклюзив, т.е. «я+ты»; 1-е лицо, двойственный эксклюзив, т.е. «я+он, но не ты»; 2-е лицо, двойственный инклюзив, т.е. «ты+он, но не я». Кроме употребления двойственно-собирательных местоимений значение двойственного числа может достигаться и посредством личных местоимений вместе с именами в совместном падеже, с союзами *уонна*, *буолан* «и, также». Множественное число личных местоимений обозначает некоторую совокупность референтов (касается 1-го лица, и отчасти 2-го лица) и множественность референтов (касается 3-го лица и отчасти 2-го лица). Такое разграничение исходит из того, что «значение несингулярных личных местоимений может быть несимметричным: оно устроено не по принципу «X в количестве n», а по принципу «группа из лица X и других лиц в количестве n» [Плунгян, 2003, с. 256]. Грамматическому значению числа соответствует лишь местоимение 3-го лица: *киһилэр* «они» означает всегда только *кини+кини+кини+...* «он+он+он...». Что касается 2-го числа, то оно в некоторых контекстах вполне может соответствовать стандартному значению множественного числа *эһиги* «вы» = *эн+эн+эн...* «ты+ты+ты...».

В якутском языке в большинстве высказываний лицо эксплицировано в глагольной форме, в силу этого в таких случаях личные местоимения употребляются факультативно и не несут функциональной нагрузки с грамматической точки зре-

ния, например как в русском языке. А в русском языке многочисленные исследователи семантики и функций местоимений в языке и речи (З.М. Мурыгина [1970], Е.В. Падучева [1985], М.А. Шелякин [2001], О.Н. Селиверстова [2004] и др.) выдвигают идею о не менее значительной, чем у личных форм глагола, роли местоимений в выражении лица. Это обусловлено тем, что в русском языке личные местоимения в грамматической трактовке признают полностью грамматикализованными лексемами, образующими замкнутый класс [Плунгян, 2003, с. 255]. В современном русском языке грамматическая структура категории лица складывается из простых (синтетических) и сложных (аналитических) форм [Никитевич, 1961, с. 204]: с одной стороны, на отношение к лицу указывает специальный аффикс *вед-у*, *вед-еишь*, *вед-ет*, *вед-е-м*, *вед-е-те*, *вед-ут*), с другой, личное местоимение, которое здесь выступает уже как служебная морфема – «личный префикс» (*я* вел, *ты* вел, *вы* вели). С этой точки зрения, местоимение *мы* в формах лица прош. времени (*мы* вели) функционально не отличается от окончания *-м* в формах настоящего времени *веде-м*. Таким образом, местоимения вместе с глаголами в прошедшем времени «*я* (*ты*, *он*) сделал», глаголом в сослагательном наклонении «*я* (*ты*, *он*) сделал бы», причастиями «*я* сделавший», именами «виноватый *я*» и т.д. имеет в русском языке ядерное содержание в выражении категории лица, определяющий субъект данных высказываний. А в якутском языке если действие, состояние выражено финитной формой глагола, то личные местоимения используются в высказывании для логического подчеркивания лица действия или состояния, а также в стилистически окрашенных высказываниях. Но личное местоимение способно вступать «в синтагматическое координативное соединение» [Химик, 1990, с. 28] с широким классом слов – с именами, причастиями, деепричастиями, частицами и т.д. В безглагольных высказываниях типа: *Дьэ мин эмтэни бөбө* [Көрдөөх кэпсээннэр, 2001, с. 45] «Ну, я и сильно начал лечиться» (букв. Ну, я лечение много) личное местоимение так же как в русском языке, служит ядерным средством выражения категории лица.

Рассмотрим случаи, когда употребление личного местоимения обязательно с грамматической точки зрения. Грамматическое употребление носит обязательный характер, поскольку оно является «единственным синтаксическим средством отнесения предиката к определенному грамматическому лицу, когда оно не имеет морфологического выражения лица» [Шелякин, 2001, с. 60], т.е. в безглагольных предложениях: *Оҕолортон эрэ маара таҕастаахтара кини*, *оҕолортон эрэ үөрэбэр мөлтөх кини* [Чолбон, 2013, с. 46]. При предложениях с именным сказуемым наличие местоимения тоже может быть обязательным. Так как личные аффиксы сказуемости при именных сказуемых присутствуют только в 1-м и 2-м лицах ед. и множ. числа, например, *учууталбын* «я учитель», *учууталгын* «ты учитель», то в третьем лице в виду отсутствия аффикса сказуемости, только местоимение *кини* «он» определяет лицо деятеля: *кини учуутал* «он учитель». В этих случаях личное местоимение выполняет роль аналитического способа выражения лица. При противопоставлении действия субъекта с действием других участников речи, несмотря на присутствие личной глагольной формы, семантика высказывания может не пониматься без употребления личных местоимений. В таком случае наличие местоимения тоже является обязательным. Например: *Мин буолбатах, эн барыахтааххын*. «Не я, а ты должен идти».

Рассмотрим некоторые случаи, когда присутствие в высказывании личных местоимений преследует разные стилистические цели. Итак, личные местоимения употребляются:

- 1) с целью особого выделения субъекта действия, когда в предложении личное местоимение употребляется несколько раз: *Эн, чопчу эн баар буолбутун сүдү, дыккити, хатыламмат* [Петрова, 2009, с. 158]. «чудно, неповторимо то, что ты, именно ты родился на свет».

2) при эмоционально окрашенном предложении, когда говорящий отзывается о собеседнике или третьем лице с негативной окраской: Аньыы даҕаны, хата, бэйэн уунэ-тэһиинэ суох тыллаһан бардын дии. Халдыаайылаах ээ, *кни* өссө [Татарина, 2011, с. 107]. «Ой, не говори так, ты сама начала говорить всякую чушь. Она еще говорит о южном склоне» (букв. У нее еще есть южный склон).

3) в диалоге, когда говорящий обращается к собеседнику, отвечая на его реплики, противопоставляя его действия к своим действиям, которое всегда носит резкий и пренебрежительный характер: Аа, *эн* тургэнник суурэр үһүгүн дуо. «А, разве *ты* бегаешь быстрее (чем я)?». При этом в интонации произношения предложения ударение падает на личное местоимение.

Личные местоимения в якутском языке имеют производные формы, которые образуются присоединением словообразующих аффиксов к падежной основе местоимений: *миигинньик*, *эйигинньик*, *биһигинньик*, *эһигинньик*. Формы на *-ник* в основном имеют уничижительное значение [Данилова, 1991, с. 40], передают снисходительное отношение говорящего к себе или адресату и не редко употребляются в сочетании с глагольными формами в 3-м лице ед. и множ. ч.: *Миигинньиктэр* Сири быһыһыһылар дуу, Күнү көмүскэһииһилэр дуу [Петрова, 2009, с. 59]. «Подобные мне не спасут Землю, не защитят Солнце». Но они могут принимать и уподобительный оттенок: *Эйигинньик* улуу ойуун санаатын уурдар эрэ – чолбону тоҕо кыайан кэппэт буолуодай! – дээн көрдөһө олорбута эбитэ үһү [Ойуунускай, 1993, с. 18]. «Подобный тебе великий шаман, если приложит старания – почему бы не смог бы разрубить полярную звезду! – так он просил (шамана)». При уничижительной семантике говорящий объективирует свои действия для создания особой экспрессии. В уподобительном употреблении говорящий дистанцируется от адресата по причине, того, что адресат может превосходить его в чем-либо. По этой причине используются производные местоимения, и глагол ставится в 3-м лице в некатегориальной функции. Так как в таких высказываниях действие субъекта выражено глагольной формой 3-го лица, отнесенность действия к 1-му или 2-му лицу определяется с помощью производного личного местоимения. Таким образом, эти местоимения в таком употреблении тоже являются аналитическим средством выражения лица.

Лично-возвратные местоимения входят в разряд вторичных местоимений, которые перешли из других частей речи. Они представлены лексемами *бэйэм* «я сам, мой собственный», *бэйэн* «ты сам, твой собственный», *бэйэбит* «мы сами, наш собственный», *бэйэбит* «вы сами, ваш собственный», *бэйэтэ* «он сам», *бэйэлэрэ* «они сами». Эти местоимения состоят из основы *бэйэ*, восходящей к монгольской *бие* «тело, организм, особа, личность, рост, сам», с аффиксами принадлежности [Грамматика..., 1982, с. 203]: *-м*, *-н*, *-тэ*, *-бит*, *-бит*, *-лэрэ* и замещают участников речи: говорящего, собеседника и на 3-е лицо. В них притяжательные аффиксы превратились в показатель категории лица, что и отражено в их названии [Там же, с. 203]. Таким образом, они обладают теми же функциями как и личные местоимения и имеют те же характеристики. В возвратном значении данные местоимения выступают в форме косвенных падежей и сочетаются с возвратным залогом, указывают на отношение действия к самому производителю действия, который является одновременно и субъектом и объектом, соответствуя русскому возвратному местоимению *себя*.

Имея в своей семантике понятие возвратности, лично-возвратные местоимения употребляются в речи всегда с особыми модальными оттенками значения и характеризуются богатством частных значений. Рассмотрим некоторые значения из них в различных контекстах. Итак, лично-возвратное местоимение употребляется в следующих значениях:

1) вместе с частицей *тус* или с числительным *биир* «один» в значении «я сам лично», «я в частности» т.е. при отображении отношения субъекта к данному действию со своей точки зрения: Биир *бэйэм* туох да куһаҕаны оңорботоҕум, мин

да табаарыстарым издээни оңорбуттара буолуо дии санаабаппын [Нехоруков, 2006, с. 34]. «Я сам не думаю, что сделал что-то плохое, также не думаю, что мои товарищи натворили беду».

2) для выражения совершения какого-либо действия без посторонней помощи, самостоятельно: Кинилэри кытта эн *бэйэң* билис, кинилэр хайдахтарын-туохтарын эйиэхэ *бэйэлэрэ* көрдөрдүңнэр [Данилов, 1996, с. 21]. «Ты с ними сам познакомься, они сами покажут тебе кто они».

3) вместе с частицей *да* при выражении действия, которого даже сам субъект не в состоянии совершить, знать и т.д.: Кини туохтан хараҕа суох буолбутун *бэйэтэ* да билбэт [Ойуунускай, 1993, с. 169]. «Он сам не знает, отчего ослеп».

4) в значении «реально сам» при выражении неожиданности от увиденного лица или факта узнавания о чем-либо о том лице, о котором идет речь. В этом случае лично-возвратное местоимение принимает посессивный аффикс и стоит в орудном падеже: Афоня дьик гынна – баарыан Чочур Мыраанца олимпийскай чемпионкаҕа ситтэрбэтэх Гуйаара илэ *бэйэтинэн!* [Неймохов, 2010, с. 162]. «Афоню передернуло – перед ним сама Туяра, которую давече в ЧочурМыране не обогнала олимпийская чемпионка».

5) в значении «сам из себя» при представлении о субъекте как о человеке с определенными качествами или материального положения: Бээ, доҕоор, отгон дьадаңыбын, турар *бэйэм* бу [Көрдөөх кэпсээннэр, 2011, с. 54]. «Ну, друг, я ведь бедный, сам из себя вот стою». *Бэйэтэ* кыраһыабай бөҕө. «Собою она красива».

6) при выражении действия, которое всегда совершалось или никогда не совершалось данным субъектом, а также состояния или качества присущего данному лицу: Мин хаһан да суолга дьону мээңэ олордубат *бэйэм*, тоҕо эрэ аһара түһэн баран, оргууй аҕай төннөн, ааммын аспытым [Сивцева, 2009, с. 144]. «Я сам, который в дороге обычно никогда не сажал людей, проехав, но потом, почему-то вернувшись, открыл дверь». Коллонтай, аҕыйах саңалаах *бэйэтэ*, кыргыттартан кыбыстан, эбии саңатыттан маппыт [Көрдөөх кэпсээннэр, 2011, с. 51]. «Коллонтай, который сам молчаливый, постеснявшись от девушек, еще пуще стал молчалив».

Также как и личные местоимения, лично-возвратные местоимения могут использоваться во вторичных значениях. Например, лично-возвратные местоимения 2-го и 3-го лица могут соотноситься с говорящим лицом или с лицом от чьего имени ведется рассуждение: Бу иһэн, *бэйэң* да билбэккинэн, санаан төрөөбүт Дьокуускайгар тийэ охсон хаалар [Лугинов, 1980, с. 7]. «Вот так идя, и сам не зная, твои мысли доходят до родного Якутска». Кэлиңнинэн *бэйэтэ* да бутуллан барда. Били, массына саахалыгар тубэһиэҕиттэн хас-хас эфирээссийэни ааста этэй? [Кыым, 2009, с. 8]. «В последнее время он (т.е. я) сам запутался. Сколько операций перенес после аварии?». В обобщенно-личном значении лично-возвратное местоимение *бэйэтэ* «он сам» при сочетании с лексемой *киһи* «человек» в обобщенном понимании может выражать действие, которое относится к каждому: Киһи арыт *бэйэтин бэйэтэ* сэнэнэр, итэбэммэт мүнүүтэлэрэ баар буолаллар [Данилов, 1996, с. 95]. «Бывают минуты, когда человек сам себе не верит, пренебрегает собою».

Лично-возвратные местоимения в якутском языке употребляются также как модальные частицы. В этой функции они превращаются в составное сказуемое, утрачивая свою местоименную функцию, но сохраняя способность представлять собою один из способов выражения персональности. При употреблении как модальные частицы, эти лексеммы указывают на действия или состояния выраженных инфинитной формой, т.е. причастием, а лицо действия определяется с помощью притяжательных аффиксов в составе этих лексем. Они употребляются в речи в следующих значениях: 1) означают, что действие, о котором идет речь, всегда совершалось или никогда не совершалось данным субъектом: Манньыктан хаһан да *куттамматах бэйэм* «Я такого никогда не боялся»; 2) в сочетании причастий

с частицами *буолла, буоллага, дуу, ини, а* также с аффиксом вопросительности *-ый* в вопросительных предложениях выражают недоумение, затруднение, нерешительность, сожаление: Уһугуннарыах *бэйэм дуу?* «Разбудить *мне* его, что ли?»; Барыах *бэйэң* буоллага «Придется *тебе* идти»; Тугу гыных *бэйэм* буолла? «Что же *мне* делать?»; Ылыах *бэйэтэ* ини ылымых *бэйэтэ* ини «взять *ему* ли не взять» [Якутско-русский словарь, 1972, с. 98]. При употреблении лично-возвратных местоимений как модальных частиц используются также уменьшительные аффиксы: *бэйэкэм, бэйэкэң, бэйэкэтэ, бэйэкэбит, бэйэкэбит, бэйэкэлэрэ*. Они выражают непонимание, недоумение с острым желанием узнать, выведать о действиях субъекта: Ээ, кэбис, догор! «Бэйи, оонньоомуум эрэ» диэн *санаабат бэйэкэң* дуу? [Мординов, 1994, с. 26]. «Э, брось, друг! *Не думаешь* ли *ты сам* «Ну, не буду-ка я так шутить?»».

Таким образом, личные и лично-возвратные местоимения играют важную роль при построении предложения, синтаксических конструкций, предикативности предложения, являются аналитическим средством выражения категории лица. Лексическое значение местоимений реализующееся в контексте или в определенной речевой ситуации и имеет стилистически ориентированную функцию.

Литература

- Бетлингк О.Н. О языке якутов. Новосибирск, 1990.
- Гаджихмедов Н.Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками): Авторефер. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1998.
- Грамматика современного якутского литературного языка. Новосибирск, 1982.
- Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя. Л., 1987.
- Данилов С.П. Сүрэх тэбэрин тухары. Дьокуускай, 1996.
- Данилова Н.И. Местоимение в якутском языке. Якутск, 1991.
- Лугинов Н.А. Мэндииэмэнэр. Якутск, 1980.
- Көрдөөх кэпсээннэр: хомуурунньук. Дьокуускай, 2011.
- Кыым. Общественно-политическая газета. Якутск, 17.06.2009. № 49.
- Меметов И.А. Сравнительная типология тюркских языков (на примере турецкого и крымскотатарского языков) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2009. Том 22 (61). № 3. С. 57–61.
- Мординов Н.Е. Амма Аччыгыя. Сааскы кэм. Дьокуускай, 1994.
- Мурыгина З.М. Семантическая структура спрягаемых форм русского глагола. М., 1970.
- Неймохов Е.П. Эр киһи уонна дьахтар. Дьокуускай, 2010.
- Нехоруков В.Ф. Дылбаны. Хапсыһыылаах олох. Дьокуускай, 2006.
- Никитевич В.М. Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963.
- Ойуунускай П.А. Талыллыбыт айымньылар. Дьокуускай, 1993. Т. II.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- Петрова В.Н. Венера. Өлүү толоонун кистэлэнэ. Дьокуускай, 2009.
- Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003.
- Севортян Э.В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956. С. 16–22.
- Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М., 2004.
- Сивцева С.Я. Даана Сард. Ааспыт ааспат амтана. Дьокуускай, 2009.
- Татарина А.Н. Леди Муус. Ахтылбан. Дьокуускай, 2011.
- Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб, 1991.

- Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Якутск, 1947.
- Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л., 1990.
- Чолбон. Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2013. № 3.
- Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. М., 2001.
- Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Глагол. Л., 1981.
- Якутско-русский словарь / Под. ред. П.А. Слепцова М., 1972.